

Живет в Киеве (Украина).

МП-937

Характер у меня – не конфитюр.
Но если друг мечтает о собаке,
цветке или счастливом долгом браке –
я вылезу из всех тюленьих шкур,
но не позволю, чтоб из-за амбиций
сменили показанья очевидцы:
мол, Танька, розмарин и фокстерьер
намеревались в мой попасть вольер.

Где нужно, там я смело нагрублю
идейно подготовленным дзержинцам –
за джаз и рок, за нелегальность джинсов,
а также за ребячью страсть к рулю.
Хоть вздрогнут, но – одумаются толпы,
заездившие зенками лэптопы.
Что форма? Важен ядерный мой груз,
а не тираж холуйского «прошу-с»!

Медовой ватой сыт я по финал
тридцать второго века без обедов.
Когда бы наперёд сценарий ведал –

дружить с жучарой впредь не начинал.
Ну, что же... Будет крепкая закалка.
Прощальная сирена катафалка
возьмёт с собой последний вопль тоски,
и ей придут на смену рысаки.

Свободные, как молнии вне брюк,
они своих наездников узнают.
Столетних пущ способность пропускная
невероятно вырастет – и вдруг
дойдёт до мамы в зябкой мезосфере,
сгущающей обиды в вязкий кек,
что не было и нет такого зверя
под солнцем, как нормальный человек.

МП-943

Семечку так не хотелось в сливное очко Земли –
страсть не хотелось... Видать, у амбарщика их было с две туманности.
Больше одним, меньше двумя – чего горевать и маяться?
А быстрый ручей не осознавал, куда его воды текли.
Зародыш неопределённого фрукта шептал сквозь дожди: "Прощайте,
родные ворота с орнаментом из тридцати печатей,
солнце и чернозём, соседские сорняки..." –
тогда как в бурлящих низовьях освоившейся реки
цветные картонные яхты с лучинками гордых мачт
под шелестящим навесом раскидистых ивовых чёлок
пускал от нечего делать сорванец и космач –
осиротевший в четыре года потомственный лесничонок.

Отчаявшееся зёрнышко попало к нему в ладонь...
"А что? – подумал пацан. – Не тыква, так хоть огурчик
вырастет у крылечка да колдунов проучит!"
С рёвом стекали в сливную трубу мусор, мальки, планктон –
семечко было выловлено, обласкано и пригрето.
И вечером накануне тигрицыного декрета
свежая почва новую жизнь бережно приняла:
расти! Минеральных солей не жалко. Пылать – так уже дотла!

Жирный амбарщик считал, что в тучности вся красота.
Джип это подтверждал, по утрам выезжая в город.
А истощённый лес – от медведицы до крота –
встречал трудовые будни официального мора.
Яблоки не выдерживали и хором пускали гниль.
В ней-то и застревал пресловутый автомобиль...

Встал лесничонок рано. Подошёл к бугорку –
только кленовые крылышки выползли на поверхность.
"Ладно, – решил мальчишка. – Здесь миллионы версий.
Завтра я умотаю и с песней уволеку
кораблики, краски, скрипку и своего питомца.
А этому ненасытному пусть без меня неймётся!"
Переселил находку с пригоршней дёрна в вазон,
так и не разобравшись, арбуз это или клён.

Вовремя эмигрировал, если на то пошло:
тонны взбродившей жижи из закров секретных
всё потащили в речку – и джип такой раритетный,
и дом, и спортивный байк – с вертолётном седло в седло.
Семечко вдруг прозрело: свету пришёл конец –
во всяком случае, в этом лесу, захваченном столь топорно.
Поработитель теперь уповал на телекинез:
ему разъедали спину в потоке помоев зёрна.

Только... что это там величественно парит
над этим почти мультяшным ужасиком в стиле крейзи?
Амфибия поколения эльфов и гесперид?
Ну, что-то похожее. Вестник победы – только не на протезе.
На высоте кучевых облаков в нём пахнет и огурцом,
и виноградом, поспевающим к застолью переживших бескормицу;
клёном, чьи лопасти в воздухе по осени хорохорятся,
рожью и колокольчиком... Для души – клад, а не рацион!
Космы ещё не обстрижены, радугу взгляд прозевал,
но руки после напильника привычно сжали штурвал.
Внизу градиентной заливкой волнуется лесопосадка,
где барсуки по неопытности считали, что монстру сладко.
Стлался пейзаж под крыло акварельной палитрой шикарной...
Что это было такое, – хоть понял урод амбарный?

Лес, говорят, вернули белкам и горихвосткам:
даже лисицу мясом снабжает трёхразовая развозка.

Вот ведь какой лесничонок нашёлся под кронами лоз:
при витилиго сезонном, кашле и поллинозе
он семечко безнадежное через рубеж пронёс –
а теперь и оно его над континентами носит.

МХ-11

Салон кофейной терапии. Всё в корице.
Бордюры пахнут шоколадным божоле.

Мне нужно было слишком сильно умориться,
чтоб прилететь сюда по небу на метле.

Сотрудник полностью уверен, что утешит
червя под сердцем, прогрызающего сталь.
Клиент – не промах; просто горе любит пеших,
а фары лучиками дразнятся с холста.

Ваниль становится абсентом потихоньку.
Сопротивляться летаргическому сну
уже смешно – как будто резвому тигрёнку
суют капусту, а подвижность на кону.

Вполне согласны божества, что я прекрасно
и перестроюсь, и заеду в тесный бокс,
однако ждёт грача на древнюю Небраску
в сыром ангаре докулибинский обоз.

Развоплощаясь и опять вселяясь в клячу,
он не поймёт, где пёс нестриженный зарыт,
и про себя наперерез ветрам фигачит,
а вслух копирует Хазанова навзрыд.

Как в том кондитерском саду при Стройдормаше,
неясно мозгу, что за плесень выделять.
Моя мечта предполагала шквал ромашек
с нарезкой видео пасущихся телят.

Местами – гравий под резиной всесезонной,
берилл, нефрит (ведь ветер – тоже ювелир)...
Всё это берегом, что вдоль стремнин изогнут,
камбаловидные верблюды увели.

С тех пор как все мечтали к звёздам плыть со Славкой,
скончались Кришна, Иегова и Перун.
Как видим, ложь почти всегда бывает сладкой.
А жизнь потом – как продолжительный бодун...

